

КУЗНЕЦОВА Светла́на Алекса́ндровна (14 апреля 1934, Иркутск — 30 сентября 1988, Москва) — русская советская поэтесса и переводчик. Член Союза писателей СССР. Лауреат премии журнала «Огонёк» (1988). Отец — Кузнецов Александр Александрович, директор школы, потомок ссыльных поляков — участников восстаний начала 1830-х годов. Мать — Амосова Лидия Ивановна, учитель русского языка и литературы, потомок Дмитриевых из Самары, сосланных в Сибирь в XIX веке по политическим мотивам. Детство Светланы Кузнецовой прошло в Сибири на берегах Витима в центре Ленского золотопромышленного района в Бодайбо, где окончила среднюю школу. Поступила в Иркутский государственный университет на филологический факультет. После смерти отца оставила учёбу. Работала редактором художественной рекламы. Писать стихи начала в 9 лет. Первая книга поэтессы «Проталины» вышла в 1962 году в Москве, в издательстве «Молодая гвардия» с предисловием известного поэта Александра Прокофьева, который выделил Светлану Кузнецову среди молодых и напутствовал её в поэзии. В 1964 году издательство «Молодая гвардия» выпустило сборник Светланы Кузнецовой в серии «Библиотечка избранной лирики», в редколлегию которой входили Михаил Светлов, Борис Ручьёв, Владимир Костров. Светлана Кузнецова переехала в Москву в середине 1960-х годов. Поступила в Литературный институт имени Горького. Окончила Высшие литературные курсы в 1965 году. Её приняли в Союз писателей СССР по рекомендации Александра Прокофьева. Творчество молодой поэтессы заметил Александр Твардовский: будучи главным редактором, он опубликовал в журнале «Новый мир» стихотворение Светланы Кузнецовой «Мои родители». С 1964 по 1972 год в московских издательствах — «Молодая гвардия», «Советский писатель», «Советская Россия» выходят сборники стихов Светланы

Кузнецовой: «Соболи», «Только о любви», «Сретенье», «Забереги». Её стихи публикуются в ежегоднике «День поэзии», в Библиотеке журнала «Огонёк», в газете «Литературная Россия». После долгого перерыва в 1982 году в издательстве «Советский писатель» вышел новый сборник стихов «Гадание Светланы». В 1983 году в Восточно-Сибирском книжном издательстве (Иркутск) вышел сборник стихов «Соболиная тропа» с предисловием поэта, лауреата Государственной премии СССР Анатолия Преловского. Журнал «Огонёк» (№ 18, апрель 1988 года) публикует девять стихотворений из цикла Светланы Кузнецовой «Русский венок». За эту работу ей была посмертно присвоена премия журнала «Огонёк» за 1988 год (№ 1, январь 1989 года). Последний прижизненный сборник Светланы Кузнецовой «Стихотворения» выходит в издательстве «Советский писатель» тиражом 35 тыс. экземпляров в 1986 году. Критик и литературовед Вадим Кожин в своём труде «Свет двуединый...» писал: «Со всей взвешенностью и ответственностью скажу, что лучшие из зрелых стихотворений Светланы Кузнецовой — самое значительное из того, что было создано в русской женской поэзии после Анны Ахматовой...» В последние годы жизни Светлана Кузнецова подготовила и сдала в печать два новых сборника: «Второе гадание Светланы» и «Светлана Кузнецова. Избранное. Стихи». Обе книги вышли в издательстве «Советский писатель», когда её не стало — (в 1989 и 1990 годах). Светлана Кузнецова скончалась 30 сентября в московской городской больнице № 71. Похоронена на Ваганьковском кладбище Москвы.

Над судьбою, что мне положена...

«В цветастом наряде, в обнимку с бедой,
Сидела подруга. А рядом
Летали подёнки над грязной водой
И хвастались чёрным нарядом.

И я говорила ей странную речь
О том, что сама я — подёнка,
О том, что мне жизнь неприлично беречь,
Когда она вся — похоронка.

О том, что не стану минуты считать,
Которыми так небогата.
О том, что мне надо летать и летать,
С восхода летать до заката.

Что нужен мне только мой черный наряд,
Прозрачные черные крылья,

Которые сладкую легкость творят
Над зарослями чернобылья.

Подруга в ответ мне роняла слова
Об отдыхе, счастье и смысле
И, может, была уж не так неправа,
Да разные доли нам вышли.

Она переборет и эту беду,
Немного усилий осталось,
И встретит в каком-то туманном году
Спокойную, умную старость.

А мне лишь подёнкой, подёнкою быть
И в завтрашнем дне не продлиться,
А мне только траурным промельком слыть
Над грязной водою столицы».

* * *

Чтобы даль прояснилась яснее,
Никакому не веря врачу,
Я руками как можно плотнее
Нынче голову обхвачу.

И не мелкой, а крупной подробностью
Задрожит под ногами доска.
Перейденный мной мостик над пропастью
Замаячит издалека.

Ощущением вспыхнет, не боле:
Я прошла. Вам уже не пройти.
Этим выплеском воли и боли
Вам уже никого не спасти.

Позже сменится опасеньем,
Виновато прильнувшим к виску,

Можно ль звать с полным правом спасеньем
Злую память и злую тоску?

Но когда мои песни споются,
Те, на самой последней крови,
В чьем-то грязном подоле зальются
Сбереженные мной соловьи.

* * *

Я та, что всю душу вызнобила,
Пока вы жаре дивились.
Я та, что все слезы выплакала,
Но слезы вновь появились.

Покуда другим сподручно
Не помнить про мой закут,
Я плачу почти беззвучно,
А просто слезы текут.

По всей пробежав Отчизне,
Собрав судьбу по кускам,
Дорожки в иные жизни
Бегут по моим щекам.

О серебре ли, о злате ли
Не думает вольный зверь.
Мне другом в другой Галактике
Уже распахнута дверь.

* * *

Снится сон мне: луна в черном небе блестит,
Притворяясь чеканной монетой,
И какая-то черная птица летит
Над не менее черной планетой.
В черном платье стою я на черном лугу,
Черном, словно густые чернила,
И уже ничего изменить не могу,
Хоть сама это всё сотворила.
Хоть впустила сама черноту за черту,
Зачернив свои волосы русы,
И покорно смотрю я на их красоту,
Теребя свои черные бусы.
Не поднять мне от чёток зловещих лица
И не снять с себя чёрные вещи...
Но повинна я сон досмотреть до конца,
Ибо он называется вещим.

* * *

Знаю — познается всё на практике,
Но на веру надо принимать
Ласковость неведомой Галактики,
О которой напевала мать.

Напевала или бормотала,
Словно колдовала у огня.

Жалко — я судьбину промотала,
Не постигнув смысла бытия.

Все же, уходя с земной излуки,
Верую — в неведомых мирах
Матери моей зачтутся муки,
Ну а мне — полночный поздний страх.

* * *

Согласно молодой молве,
Мы вроде не были, хоть были.
Давно в холодном зимовье
Нас вырезали и забыли.

Но в мертвой памяти стоять
И в сини неживого глаза

Тому ножу, чья рукоять
Наборная из плексигласа.

Тому, что в рыжих пятнах весь
На самом юном госте ватник,
И удивленью, что он здесь —
Убийца, времени соратник.

* * *

Дальнего леса печальный реликт,
Буйство родной чернобыли...
В центре беседы — иранский конфликт,
Давние русские были.

В центре беседы — арабские сны,
Сказочки Шехерезады,
Нового горького смысла полны,
Новой горчайшей улады.

В центре беседы — прекрасный Афган,
Запахи гари и крови.

Где он, бывалый кривой ятаган,
Да насурьмлённые брови?

В центре беседы — прекрасный Китай,
Многомиллионные сонмы...
Что ж, поскорее из пепла взлетай,
Феникс, чьи крылья огромны.

В центре беседы — прекрасный Восток,
Игры, что мы проиграли.
В центре беседы — последний виток
По безысходной спирали.

Чертополох

Что мне уснуть сегодня не дает?
О нет, не наводненья, не пожары,—
То за окном чертополох встает,
И в комнату его вползают чары.

Не тормози чертят, чертополох,
Пусть отдохнут. Они и так устали.
Не затевай зазря переполох
Средь сумерек умеренной печали.

Что черти мне? Пускай себе живут
По всем углам, резвятся, корчат рожи.
Они в быту терпимей, чем слывут,
И уж давно не вызывают дрожи.

Пусть будет цель святая далека,
Чертополох, что мне до этой цели?
Не распускай кровавого цветка
В оконные нацеленные щели.

Не умножай осмысленного зла,
Не делай из обыденного драмы
И не черти на ломкости стекла
Локаторы — круги и пентаграммы.

Да, жизнь не удалась. Да, сон мой плох.
Но все же в чем-то главном не сдалась я.
Не тронь моих чертей, чертополох,
И домового по прозванью Вася.

* * *

Не прорвавшись в иные миры
Через плотную сеть отражений,
Судьи чьей-то удачной игры,
Мы своих не постигли движений.

Так присядем и руки сплетем,
Принимая безропотно долю,

Перед непостижимым путем
В неизвестность по голому полю.

И давай до конца повторять
Под последние всплески метели:
«Боже мой, как же страшно терять
То, чего никогда не имели!»

* * *

Может быть, колос последний сжат
Мной на родной стерне.
Мать и отца, что в земле лежат,
Часто вижу во сне.

Полно, мне ли о том тужить
В этот дождливый день,
Что, и попытки не сделав жить,
Минула, словно тень.

Жизнь в ожиданье смрада тюрьмы
На острие ножа?
Школьная пропись: «Рабы не мы»,
Главная с детства лжа.

Жизни, что быть бы могла, не жаль.
Ртом ловлю пустоту,
И волочится за мною шаль
Черная — в черноту.

* * *

У меня решения чётки.
Уж давно из надёжной стали
На окошках стоят решетки,
Чтобы ангелы не залетали.

Но опять сквозь стекла таращат
Голубые свои гляделки.

Что мне речи их очумелые,
От земных забот отреченные,
Одеянья такие белые
И деянья такие черные?

Но опять металл прогибает
Их весомая невесомость...
Видно, в мир наш, что погибает,
Вновь разверзлась космоса полость.

Но опять свои правды тащат,
Словно семечки на посиделки,

Только накрепко отгорожена
От незваных моя обитель.
Над судьбою, что мне положена,
Бог судья лишь, но не властитель.

* * *

Отзвенели мои погремушки,
На куски разлетелась твердь.
Отыграла, видать, в игрушки
По названию Жизнь и Смерть.

Отгуляла на свете алом,
Растеряла последний страх...
Это кто там под покрывалом
У меня торчит в головах?

Это кто мне велит уняться
Неприменно в этом году?
Ведь найду я силы подняться,
Любопытства ради найду.

Проклинаю слабости нóшу,
С малолетства ясность любя,
Дотянусь, покрывало сброшу —
И увижу саму себя.